

УДК 316.334.552

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА

И.А. Гатауллина, доктор исторических наук

Представляется, что устойчивая рефлексия профессионального сообщества о состоянии исторического знания и своем месте в нем является характерной чертой современной историографической ситуации. Кажется, что саморефлексия еще не достигла дна. Она усиливается по мере того, как множатся общественные изменения, которые углубляют имеющиеся и создают новые противоречия. Эти противоречия разрушают устоявшиеся представления об истории вообще, о национальной российской истории, равно как о ее неотъемлемой части – региональной истории – в частности. Историческая турбулентность конца XX–начала XXI веков, наступившая вследствие кризиса постиндустриальности, не только активизировала региональные процессы в разных частях земного шара и вызвала к ним острый исследовательский интерес, но породила, прежде всего, новую планетарную ситуацию, названную глокализацией.

Под глокализацией понимается комплекс разнонаправленных тенденций в экономическом, социальном, культурном развитии регионов, когда вместо ожидаемого исчезновения отличий происходит их сохранение и усиление. Переоформление контуров целостности мира происходит через по-новому осмысливаемое разнообразие его составляющих. Таковыми выступают регионы,

охватывающие как континенты, так и группы стран, или отдельные территории, которые не желают попасть в жернова всеобщей унификации, выражают свой протест глобализации, являясь в определенном смысле ее антиподом. Именно поэтому центральными в современной цивилизации стали проблемы этничности, ментальности, идентичности, культурной самобытности и, конечно, социальности, требующие иного, чем прежде, уровня понимания – понимания необходимости быть признанными субъектами исторического развития, как одновременно особенная и равноправная составляющая глобального пространства. Глокализационная парадигма вызвала острую потребность не только в методологической рефлексии, но и в новом методологическом инструментарии изучения истории. Одним из таких стала новая локальная история, под которой понимается жизнь микросообщества, как совокупности людей, осуществляющих разнообразную деятельность на определенной территории. Микросоциальные процессы общности любого уровня как объект действительно радикально изменяют ракурс исследования общественной практики с экономического угла зрения на психосоциальный. Это происходит как бы «снизу», «от земли до надстройки» (Ф. Бродель) и, разумеется, по этой причине, в «естествен-

ной субстратной среде» (Л. Репина). Но, собственно, что здесь нового?

Ведь в XIX веке, в эпоху индустриального подъема, когда, согласно К. Марксу, появилось глобальное видение мира, обозначилась выраженная динамика общественного развития, начался рост национального самосознания, было впервые обращено внимание на психологию как фактор истории. И. Тэн один из первых сформулировал новый метод, введя понятие «основной характер», который формируется под влиянием расы, среды обитания, исторического момента. В. Вундт и К. Лампрехт, исследуя психологию народов, подняли вопросы культурной идентичности. Н. Кареев и М. Хвостов определили за социальной психологией место методологической основы истории. Концепции о культурно-исторических типах Н. Данилевского и О. Шпенглера, о первичных цивилизациях А. Тойнби и культурных суперсистемах П. Сорокина акцентировали внимание на самобытных чертах локального. Мыслители были едины во мнении о разрушительном влиянии цивилизации и весьма пессимистически оценивали перспективы общественного развития на технологически прогрессивных основаниях. Следует заметить, что этот взгляд на историю, представлявший способ разрешения одной из узловых методологических проблем, вызревал как бы подспудно тогда, когда укоренялась модернистская система представлений и, казалось, ничто не могло ее ослабить. Идея прогресса, как проект эпохи Просвещения, породила культ истории, переросший в ее обожествление. И только катастрофизм реального человеческого опыта в XX веке, подорвавший веру в силу прогресса в результате II мировой войны, обусловил вытеснение модерна пост-

модерном, свидетельством чего стало «вступление» психологии истории в свои права. Габитус П. Бурдьё стал новым средством понимания социальной динамики, а Л. Февр выразил сомнение в возможности говорить о подлинной истории, пока не создана «индивидуальная историческая психология».

Для российской исторической науки, всю вторую половину XX века пребывавшей в коконе модернистской методологии, глокализация действительно может осмысливаться не столько новым историческим моментом, сколько моментом истины. Крах тоталитаризма открыл для нее путь освоения методологии постмодерна, но мир вступил уже в новую пост-постмодернистскую реальность. Здесь следует обратить внимание как минимум на два обстоятельства, важные для понимания положения российской науки. С одной стороны, очевидна необходимость скорого освоения исследовательской стратегии методологии и методов современного научного знания на основе трансдисциплинарности, в условиях глобализации неизбежно ведущей к разрушению демаркационных линий обособления исторической науки. С другой стороны, отмечается сложность этого положения, прежде всего, для региональных историков. Если столичная историография быстро встраивается в актуальный контекст научного знания, коммуницируя с «внешним миром», то региональная наука при слабой внутринаучной, не говоря уже о междисциплинарной, коммуникации, все же, не столько замедленно, сколько асинхронно, движется по пути использования новых методологических принципов и приемов изучения новой локальной истории. В чем новизна этих подходов и почему их освоение представляет

сложность для региональной науки? Попробуем в этом разобраться.

К новейшим достижениям мировых историографических практик в изучении региональных проблем можно отнести следующие наработки. Прежде всего, это различие совпадающих по смыслу определений «региональный» и «локальный»: первое содержит политическую специфику, тогда как во втором доминирует социокультурная составляющая. Норвежский историк О. Алсвик считает, что локальная история в исторических исследованиях занимает страту, которая располагается ниже национального уровня, но выше уровня семьи и индивидуума¹. Далее важно утверждение междисциплинарного подхода к изучению региональных процессов, «с концентрацией на культурных барьерах, культурном разнообразии, идентичности и этничности» (Эйнар Ниemi)². Наконец, следует серьезно осмыслить и понять, что локальная история – это не национальная история, «разбитая в куски», напротив, национальная история является «собранием локального исторического опыта» (Алан Кросби)³. Внимание российских исследователей к региональной истории в нашей стране объясняется, прежде всего, острой потребностью разрешить насущные проблемы общественного развития уже на постсоветском пространстве. Имеются в виду не только этноконфессиональные вопросы политики и практики обособления части территории государств, предоставления прав суверенности, изучаемые, в большей степени, политической регионалистикой. Корректировка идеологии мультикультурализма, переосмысление политики либерализма в целом абсолютно невозможны без исторической рефлексии, как процесса приобрете-

ния опыта, опираясь на который, обществу необходимо выработать четкую стратегию выстраивания коммуникаций между различными традиционными установками и цивилизационными ориентациями. Показательно, что в России историография вопроса связана с краеведением как формой социокультурной деятельности российской провинции, возникшей в конце XIX века, но получившей широкое распространение в первой четверти XX века. Это был плодотворный период изучения локальных сообществ. Живой интерес к местной истории, к ее традициям сочетался с всесторонностью, глубиной постановки задач и проблем исследований в области локалистики, впоследствии вытесненные описательным подходом. Разгром краеведения лишил региональные исследования «пространства жизни» в угоду «пространству власти». Отсутствие в СССР полноценных региональных исследований объясняется тем, что автономии или области рассматривались центральной властью как звенья управленческого механизма, а не как самостоятельные субъекты общественной жизни. Распад единого государства стал катализатором исследовательского интереса к региональным проблемам, когда на первый план выдвинулась и набирала исследовательские обороты, опять-таки, политическая регионалистика. Однако и данная область знания может лишь условно называться научной, поскольку по-прежнему именно «многие микропроцессы в регионах не всегда доступны наблюдению, а зона публичности и правового пространства недостаточно велики»⁴. Такое положение – результат как сохраняющегося маргинального положения регионалистики в целом, так и пока незначительного числа фун-

даментальных исследований проблем локальной истории. В условиях глокализации изучение широкого спектра региональных проблем – от социально-естественных и политико-экономических до гендерных и психоментальных – становится первоочередной задачей гуманитаристики, решение которой важно не только для сохранения самобытности социума, его этнического, религиозного и культурного многообразия, но и для поддержания общественного согласия и политической стабильности.

Необходимо признать, что российская историография двух последних десятилетий активно встраивается в контекст актуальных подходов изучения региональной проблематики. Исследуются дисциплинарные границы исторического краеведения, оценивается вклад региональных ученых в развитие интеллектуального, институционального, социокультурного пространства исторической науки⁵; изучаются теоретико-методологические проблемы исторической регионалистики⁶; ведется поиск интегративных подходов между локальным и глобальным⁷; осуществляется сравнительный анализ региональной и локальной истории⁸. Но современное знание, связанное с историей одного из крупнейших регионов России – Среднего Поволжья, – с точки зрения современных подходов можно оценить как весьма противоречивое. Прежде всего, это касается дефиниции для обозначения области знания о регионе. Регионоведение или регионоведение традиционно – наиболее употребительные, однопорядковые, но с точки зрения локальной истории малопродуктивные термины. В глокальной ситуации, когда регион воспринимается в большей степени как феномен общественной жизни, сплетенный из разно-

образия черт и свойств, распознавание которых возможно только на уровне исследования микропроцессов микрообщества, целесообразнее говорить об *исторической регионалистике*, как междисциплинарной области знания, оперирующей результатами специальных исследований как собственно гуманитарного, так и естественнонаучного знания. «Исторический» в словосочетании содержит пространственно-протяженный смысл времени и пространства, который образуется в результате многофакторного подхода к изучению общественных процессов, от «землеописания» до форм политической организации людей. Как в первом, так и во втором случае базовым концептом выступает понятие регион. Но, если в традиционном понимании, под ним понимается территориально-административная единица или территориальная общность, обладающая набором политико-экономических и социокультурных характеристик, то в современном глокализованном смысле регион воспринимается как менее статичная категория, значимым признаком которого становится подвижность, изменчивость общности, стремящейся к самоорганизации во всем многообразии связей и отношений. В силу этого материальные факторы, главным образом, социально-экономические, акцентируемые методологией модерна, уступают место нематериальным конструктам, осмысление которых возможно только на основе постмодернистского методологического инструментария. Вот почему исследовательская стратегия неизбежно переориентируется на изучение среды обитания, религиозной идентичности, регионального самосознания, коммуникационного пространства, обеспечивающее целостность представления о регионе для признания, как за отде-

льным человеком, так и общностью регионального самоопределения, как промежуточного звена между индивидуумом и государством.

Хорошо известно, что подлинной научной лабораторией регионализма была немецкая школа, еще в XIX веке выстроившая модель многоуровневого изучения социума от центров местничества и землячества, через регион к национальной культурной идентичности. Представляется, что если рассматривать российскую историю с этой точки зрения, то можно сказать, что первые два уровня разработаны менее всего. Локальная история как раз предполагает именно их изучение, но, отданные на откуп краеведения, эти сегменты регионального микросообщества, как его фундаментальная основа, пока не встроены в общенациональный конструкт. Поэтому в одном случае под российским регионом может пониматься часть территории, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных условий, как, скажем Республика Татарстан или Республика Марий Эл, или Республика Чувашия. В другом случае регион охватывает соседствующие друг с другом субъекты Российской Федерации, и тогда вышеперечисленные республики также его образуют, поскольку обладают интегрирующим фактором общности исторической судьбы и местоположения, которое в ориентирах XX века осмысливалось как Среднее Поволжье, а в условиях глокализационной парадигмы имеет все основания именоваться Поволжьем Центральным. При этом следует иметь в виду, что территориальная общность сохраняет свое постоянство, связывая людей не только в настоящем, но и с их прошлым. Под прошлым понимается как история освоения

земли обитания, этапов складывания языка, культуры, этноса, народности, нации, ее героических и трагических страниц, а также повседневной жизни, так и история трудно преодолеваемых обстоятельств, сохраняющих свою пространственно-временную сущность.

Речь идет о государстве, расположенном на огромной территории, полноценное развитие которого возможно только на основе самоуправления его регионов, но следует признать, что именно идея самоуправления оказывается в России в наименьшей степени реализованной. Эту тему как институциональную проблему представил С.Ю. Витте в «Конфиденциальной записке» еще в 1899 году. Рассмотрев вопрос о связи системы местного самоуправления с политическим строем и конституционным режимом, тогдашний министр финансов пришел к убеждению, что самодержавие и земство принципиально несовместимы, и следствием этого является их постоянная борьба⁹. Несмотря на давность, данное утверждение известного политика поразительным образом верифицируется на каждом последующем этапе российской истории: и в советский период, когда республики объединились в единый государственный союз на началах равноправия и сохранения своих суверенных прав в соответствии с ленинскими принципами национально-государственного устройства; и в постсоветское время, когда вследствие упорной борьбы за свои реальные права республики обрели статус не только суверенных, но и независимых государств. Это означает, что централизация общественной жизни вкупе с отсутствием серьезной традиции сравнительных социокультурных исследований, выходящих за рамки одной территории, всегда будет

разграничительной линией, отделяющей краеведение от регионоведения, а их вместе от национальной истории, в которой человек – слепой исполнитель железных законов исторической необходимости, а не «безусловный и ответственный ее сопричастник»¹⁰.

Вот этот разрыв через человеческое измерение и призвана преодолеть новая локальная история, как способ профессионального самоопределения в пространстве современного науч-

ного знания. По мнению М.Ф. Румянцевой, «историк может либо принять ситуацию, как она есть, и увеличить энтропию путем дробления поля исторического исследования на мелкие делюшки, либо искать выход из кризиса исторического метанарратива, а такой поиск возможен лишь на путях методологической рефлексии...»¹¹. С данным утверждением трудно не согласиться. Его следует принять как руководство к действию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Alsvik, Ola*. The Norwegian Institute of Local History and Local History in Norway. Oslo: NLI, 1993. P. 1-2 // Прив. по: Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории – <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>

² Цит. по: XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и материалов: В 2 ч. Ч. 2. М., 2002. С. 284.

³ См.: Editorial: Abstract 1 // <http://www.balh.co.uk/publications/tlhinsides.htm>; Editorial // The Local Historian. 2002. Vol.32. No.1. February // [http://www.balh.co.uk/publications/tlh_volume32_copy\(1\).htm](http://www.balh.co.uk/publications/tlh_volume32_copy(1).htm).

⁴ Цит. по: *Гельман В., Рыженков С.* Политическая регионалистика России: история и современное развитие. М., 2002 – http://vasilieva.narod.ru/ru/stat_rab/book/Polit_regionalistika/3-40.aspx.htm.

⁵ См.: *Мохначева М.П.* Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия – <http://www.newlocalhistory.com/node/75>

⁶ См.: *Гамаюнов С.А.* Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – №9.

⁷ См.: *Репина Л.* Между локальным и глобальным: поиски интегративных подходов – <http://www.studfiles.ru/preview/1870591/>

⁸ См.: *Маловичко С., Румянцева М.* Региональная и локальная история: компаративный анализ – <http://www.newlocalhistory.com/sites/default/files/pictures/regionhistukr.pdf>.

⁹ См.: *Витте С.Ю.* Самодержавие и земство. – СПб., 1908. – С. 197.

¹⁰ *Рашковский Е.Б.* Читаем Тойнби // Постигание истории. – М., 1991. – С. 650.

¹¹ *Румянцева М.Ф.* К вопросу о преодолении кризиса исторического метанарратива: философия Г.-В.-Ф. Гегеля как опыт исторической теории // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 2. – Ставрополь, 2002. – С. 35.